Восхождение

Автор:
Пётр Азарэль

Восхождение

Пётр Азарэль

Психологический роман повествует о духовном и нравственном становлении героя, происходящего из семьи с глубокими корнями в еврейских местечках Украины. Драматические события в его жизни в период перестройки и распада Советского Союза приводят его к решению расстаться с возлюбленной, чья семья противится их браку, и репатриироваться в Израиль. Любовь к религиозной женщине, рождение их сына, гибель её мужа, офицера контрразведки, при ликвидации террориста, отчаянная смелость героя при спасении её и детей во время теракта в Иерусалиме, служба в армии, любовь к девушке, репатриантке из России, формируют его характер и мировоззрение.

Часть I

Глава 1

1

Семья Ильи Зиновьевича происходила из широко известного на Украине местечка Бердичева, городка с преобладающим еврейским населением. Его

отец, когда он был ещё жив, не раз вспоминал, что его дед и прадед слыли цадиками, и многочисленная община относилась к ним с почтением. Революция безжалостно разрушила старый еврейский мир, уничтожив границы оседлости, посеяв дух безбожия и выкорчевав некогда сильные и глубокие корни народной жизни.

Прадед Якова, сына Ильи Зиновьевича, идеи коммунизма и классовой борьбы воспринял со всей страстью человека нового времени. Ещё юношей участвовал в боях с петлюровцами, воевал в Первой Конармии, с которой дошёл в польскую кампанию до стен Варшавы. По окончании гражданской войны был на руководящей работе в киевской губернской парторганизации. Размашистая коса борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией коснулась и его, и без суда и следствия он был расстрелян в застенках старой пересыльной тюрьмы.

Его сын, дед Якова, прошёл огни и воды Великой Отечественной войны и, чудом уцелев, отыскал бабушку Сару в Самарканде с пятилетним сыночком Илюшей на руках. Она жила в обветшалой мазанке без надежды когда-либо ещё увидеть и обнять любимого мужа. Участь её тёток, сестёр и их детей была печальна – почти все они сгинули в Бабьем Яру. В Самарканде у них родилась дочь, которую в честь бабушки назвали Идой.

Украинские националисты и антисемиты надеялись, что еврейский вопрос будет естественно и окончательно решён в результате новой послевоенной реальности, и, отбросив сомнения, вселялись в квартиры бывших соседей, беззастенчиво присваивая себе их имущество. Но прошедшие фронты, не раз смотревшие в лицо смерти генералы и офицеры, руководящие работники и простые люди сумели выиграть и это сражение, и в неохотно освобождающиеся временными жителями квартиры и комнаты стали возвращаться евреи с Урала, Казахстана и Средней Азии.

Возвращение из эвакуации было для Зиновия и Сары, как и для многих бежавших на восток от войны евреев, тяжёлым испытанием. Большая довоенная квартира на улице Саксаганского была после освобождения Киева занята украинской семьёй. У неё оказались весьма влиятельные родственники, отсудить жилище не удалось, и они с двумя детьми поселились в полуподвальной квартирке на Бассейной.

Умный и прагматичный инженер, Зиновий работал на почтенных руководящих должностях, зачастую исполняя "роль умного еврея" при директоре. Его ценили,

но всё же после каждой антиеврейской кампании перемещали на более низкую должность, оставляя в душе незаживающие раны. Он вырастил детей, помог им получить высшее образование и устроиться на работу, что было делом не простым и потребовало от него немало усилий. Он привёл в действие полезные связи, которые приобрёл во время работы в Совмине и Госплане. Илья женился на Ребекке, красивой девушке, проживавшей на Сырце, районе Киева, примыкавшем к Бабьему Яру. Через года полтора у них родился сын, которого назвали Яковом в честь дедушки молодой мамы. Подошёл срок, Зиновий вышел на пенсию и стал вместе с Сарой нянчить внуков и прогуливаться по живописным киевским паркам и окрестным лесам. Так и жили они в любви и согласии и умерли в преклонном возрасте, и похоронены были на Байковой горе рядом друг с другом.

2

Илья и Ребекка принадлежали к среднему классу, к той общественной прослойке, которую с середины девятнадцатого века называли в России интеллигенцией. Антисемитизм власти не давал ей возможности достигать высоких административных постов и должностей, да она в своём подавляющем большинстве и не стремилась к этому, убеждённая в том, что каждый шаг наверх связан с утратой чести и достоинства, нравственным компромиссом, покупаемым за счёт зарплат и хорошо отработанной системы привилегий и льгот.

Илья Зиновьевич стал известным в городе инженером и уже много лет работал главным специалистом технологического отдела в одном из крупных проектных институтов. Главный инженер долговязый еврей Александр Абрамович предлагал ему принять отдел, начав с должности зама, обещая убедить директора в целесообразности его кандидатуры. Но он не соглашался, находя каждый раз какие-то аргументы против этого назначения. Дома Яков однажды стал свидетелем его откровенного разговора с матерью.

– Рива, дорогая, пойми: как заместитель Степанова, я больше получать не буду. А когда через год-полтора он уйдёт на пенсию, ты увидишь, что произойдёт.

– Так тебе же обещают отдел. Вот и займёшь его место. Сейчас для этого уже не требуется быть членом партии, – парировала она, взирая на мужа поверх старомодных очков с большими стёклами и забавно морща лоб.

– Не ожидал от тебя такой дремучей наивности. В какой стране ты живёшь? Думаешь, что в горкоме теперь другие люди, сплошь либералы? Да всё те же антисемиты-конъюнктурщики, которым наплевать на народ, на производственную необходимость. Нет у них другого интереса, кроме шкурного. Продвинуться по службе, приобрести влияние, чтобы трахать молодых симпатичных секретарш-комсомолок и горничных в санаториях. Да, да, не смотри на меня невинными глазами. Для них это и означает власть, власть над людьми, которые для них лишь средство достижения эгоистических целей, власть над беззащитной женщиной, которая ждёт от него покровительства ценой согласия на сексуальную эксплуатацию.

Илья Зиновьевич поднялся с кресла и стал прохаживаться по тесноватой гостиной, стараясь сбить охватившее его раздражение.

– Ты думаешь, что длинный не понимает этого? – искренне удивилась Ребекка.

– Нет, конечно, он надеется, он почти уверен, что будет так, как он задумал. Но сейчас в партийных органах неразбериха и бестолковщина. У них такая же разруха, как и в стране. Сегодня его приятель Иван Петрович в секретарях ходит, а завтра его сметут молодые наглецы или конкуренты. А я, как последний идиот, буду до пенсии сидеть в замах при назначенце из горкома.

Илья остановился у стола и выразительно посмотрел на жену. Его тёмные тронутые сединой волосы упали на большой покатый лоб, породистый еврейский нос светился отраженным лучом от люстры.

– Ты прав, Илья. Скорей всего, ничего не получишь, а интересную творческую работу упустишь. – Ребекка не могла не согласиться с безупречной логикой мужа.

– Конечно, Рива, не с нашим еврейским счастьем искать приключений. Мне нравится моя работа. От меня зависит технический уровень проектов. Моя голова, слава богу, ещё варит. Я могу научить молодых инженеров кое-чему и убедить руководство, что нужно поощрять их материально, если оно не хочет

остаться в одиночестве, и продвигать их и защищать от недоучек-антисемитов. Со мной ещё считаются, когда я им нужен. А уйду в замы и влияние потеряю, и всё поставлю под удар, – с воодушевлением говорил Илья Зиновьевич. – Александр Абрамович, наверное, думает, что мы никуда не двинемся. А, может быть, он хочет так удержать меня, ведь мне неудобно будет после повышения по службе подать заявление на выезд. Тем более нужно остаться на нынешней позиции и не соглашаться ни на какие уговоры.

Через открытую настежь дверь в гостиную Яков отчётливо слышал высокий с хрипотцой голос отца. Он любил его, принимал его помощь и советы, гордился тем, что тот никогда и ни перед кем не унижался, не скрывал своего еврейства, а нёс его с достоинством и мальчишеским задором. В дружеской компании отец охотно рассказывал анекдоты, персонажами которых, как правило, были евреи, и сам же заразительно смеялся. Он был харизматическим лидером, остроумным и жизнелюбивым. Яков завидовал его умению находить общий язык со всеми, способности решать любые проблемы, избегая конфликта и не задевая чьего-либо самолюбия. Он учился у него культуре общения и своим достаточно прочным положением на работе был во многом обязан прямому или опосредованному влиянию отца.

Мать преподавала русский язык и литературу в старших классах одной из районных десятилеток. Мягкая и добродушная, она никогда не желала сделать карьеру, довольствуясь почти всеобщей любовью учеников, среди которых евреев или полукровок оставалось немного. В последнее время черноволосые и рыжие мальчики и девочки всё больше покидали школы, уезжая за границу или переходя в открывшиеся в городе на деньги Сохнут еврейские школы. Но Ребекку Соломоновну любили и к её национальной принадлежности относились с почтительным уважением, видя в ней человека открытого и сердечного. Время настало смутное, неопределённое, и молодое поколение, освободившееся от прежних идеологических стереотипов, переживало растерянность и брожение. Национальный вопрос, лишённый обманчивого покрова и пропагандистского флёра, стал перед ним серьёзным нравственным испытанием. А с Соломоновной можно было говорить обо всём, и классы на её уроках нередко превращались в дискуссионный клуб, где тема национализма, сионизма и антисемитизма горячо обсуждалась. Тогда она открывала ученикам глаза на незнакомые им факты и события прошлого и новейшей истории.

3

Во второй половине восьмидесятых подули ветры перемен, и вслед за Москвой и Санкт-Петербургом и в южной столице, где осмотрительные власти всегда решались на какой-то шаг с несуетной осторожностью и хитроватой оглядкой на московских хозяев, бурно и жизнерадостно пробилась к солнцу молодая поросль перестройки. Появились производственные и торговые кооперативы, открылось множество кафе и ресторанов, и, привлечённая новизной обстановки и непривычным меню, туда повалила изголодавшаяся по хлебу и зрелищам публика. Невиданная после Октябрьской революции свобода слова пьянила, Коммунистическая партия теряла власть и единство и распадалась на противоборствующие фракции. Расцветавшие пышным цветом социальные и политические свободы привели к формированию множества партий, заявивших об альтернативе КПСС. Газеты и литературные журналы заполнили сенсационные материалы о репрессиях сталинских времён, и произведения, до поры бдительно скрывавшиеся от народа в спецхранах, а теперь в небольшом количестве допущенные к печати зоркой и всеведущей партийной цензурой, были нарасхват. Оживилась торговля, и вездесущие челноки, будто рой разбуженных весенним солнцем и теплом муравьёв, ринулись во все стороны света, открывая новые пути и создавая своими плечами и локтями товарные запасы пребывающего в зачаточном состоянии свободного рынка. Одеваться стали пестрей и разнообразней, у людей появились деньги и множество не существовавших прежде возможностей их потратить.

Оживилась и еврейская улица. В больших городах открылись общества еврейской культуры, распахнулись двери синагог, и ручейки финансовой помощи из зарубежных фондов и агентств потекли в широко раскрытые карманы энергичных заправил. В возрождённых из долгого небытия еврейских театрах и студиях ставились пьесы Шолом-Алейхема, Бабеля и Эрдмана. На спектакли московского театра «Шалом» валили валом, и на них невозможно было достать билеты. Проявление национальной принадлежности перестало быть подспудным и неприличным. Еврейская тема быстро вошла в моду, став одним из свободных проявлений новой реальности.

Но коротка радужная пора весны, и, как подобает быть в природе, беспощадный летний зной иссушил некогда казавшиеся сильными изумрудно-зелёные стебли. Они пожухли и завяли, лишь некоторые из них продолжали цвести и плодоносить, поливаемые и окучиваемые умелой рукой садовника. И чем дольше это продолжалось, тем больше крепло ощущение безысходности и крушения

надежд.

Дружно расцветшие кооперативы, обогатившие на первых порах своих работников, распадались. Предприятия, оставшиеся без значительного финансирования министерств, хирели, свёртывали производство, объявляли о банкротстве и закрывались. В стране появилась безработица. Трудовой народ ответил волной забастовок, которые с трудом удалось усмирить обещаниями грядущих перемен, временной материальной поддержкой и заменой прежнего руководства всплывшими на гребне борьбы новыми, ещё не скомпрометировавшими себя лидерами. Государственная поддержка науки, культуры и образования на фоне экономического кризиса существенно снижается. Множество научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро прекращают существование, и талантливые учёные уезжают заграницу или становятся бизнесменами.

Хмель первых перестроечных лет сошёл и на еврейской улице, сменившись более свойственной этому племени трезвостью головы и древней неспешной мудростью. Разочарование в горбачёвских реформах, в надеждах на устройство жизни в умеренно национальных традициях, на рассвет свободного и многообразного предпринимательства, к которому испокон веков тяготел прагматичный еврейский разум, заставило задуматься и переосмыслить новую хаотичную действительность. Вспомнили о непреходящей, затаившейся на время опасности Чернобыля, о заражённых радиацией почве, воздухе, воде и продуктах, задумались о судьбе детей и внуков, и в еврейских домах снова, как и пятнадцать лет назад, заговорили и заспорили об отъезде.

4

Поветрие это коснулось своим вездесущим движением и семью Ильи Зиновьевича. Вначале изредка, а потом всё чаще за ужином или чтением свежих газет поднимался традиционный еврейский вопрос: брать или не брать зонтик. Брат Ильи уже лет двенадцать как проживал в Нью-Йорке, в Бронксе вместе с женой Цилей и двумя их дочерьми. Письма от него приходили нечасто, обычно вместе с поздравлениями в канун героических праздников советского народа и отличались образцовой лаконичностью и бессодержательностью.

– Послушай, Илья! Неужели ты не видишь, что мы ему там не нужны?! Ты из кожи вон лезешь, пишешь ему письма, просишь совета. И что в ответ? У нас всё в порядке, живётся нам нелегко, девочки работают, их мужья в поте лица трудятся. Здоровы, того и вам желаем, – сыронизировала Ребекка Соломоновна и с некоторой долей укоризны взглянула на мужа. – И всё, никакой смысловой информации. Если б они хотели, то мы бы давно это почувствовали. Тон и содержание писем были бы другими.

– Семён Викторович собирается ехать, а зять не хочет. Он его уговаривает, у него родственники в Израиле, и он думать не желает об Америке. Только туда, к тёплому Средиземному морю.

– Ты за него не беспокойся. Уговорят они своего зятя. Он весьма неглупый гой, поломается и согласится. А потом ещё и всю "мешпуху" православную за собой потянет. Ты вот сына спроси, что он собирается делать?

– Яша, скажи, что ты обо всём этом думаешь? – мать с вызывающим любопытством посмотрела на демонстративно отстранённо пьющего чай сына.

Яков отвечать не торопился и, медленно допив и поставив чашку на стол, обвёл родителей чуть ироничным открытым взглядом.

– Что вам сказать, папа и маман. Мне здесь не так уж и плохо. На работе меня ценят, вот должность руководителя группы дали и зарплату соответствующую. Материально не нуждаюсь. Есть ещё с кем время проводить и где. Большинство друзей никуда пока не едут, а если кто и думает двигаться, то за океан. И вообще, мне здесь интересно жить, здесь моя родина, здесь я родился, здесь родились вы и ваши предки. Что вы ещё от меня хотите?

– К сожалению, это беда многих молодых людей. Они не виновны, они, как и мы, как ты называешь нас, предки – продукт нашей системы. Десятилетиями в нас убивали национальное сознание, цинично ассимилировали, уничтожали наших лучших людей. Что же теперь от тебя ожидать? Но пойми, Яша, рано или поздно ты должен будешь решить, кто ты и с кем тебе по пути. Ты не сможешь, как страус, переждать смутное время, зарывшись головой в песок. Оно никогда и не кончится здесь. И тебе потом будет жаль напрасно потраченного времени. Подумай, сынок.

Отец говорил негромко, но слова его звучали сильно и убедительно. Якова не могла не тронуть затаённая в них боль.

– Хорошо, папа, я подумаю. Дай мне время. Это слишком сложно для меня. Я просто ещё не созрел.

Яков смотрел на родителей, и чувство трудно объяснимой вины перед ними боролось в нём с досадой из-за нарушенного блаженного покоя, в котором пребывала ещё недавно его неискушённая душа.

– Нам-то что? – поддержала мужа Ребекка Соломоновна, – мы доработаем до пенсии и уйдём на покой. Нас на работе уважают… Ты не думай, что нам так уж хочется уезжать. Здесь нам совсем неплохо. Квартира, машина, друзья и знакомые, русская культура, театры, концерты, книги. А язык? Куда бы мы ни двинулись, мы нигде и никогда не будем владеть их языком так, как русским и даже украинским. Но рано или поздно мы умрём, а ты останешься, и тебе здесь жить. Вот и решай.

– Жениться не собираешься ещё? – спросил отец, прервав чрезмерно затянувшееся состояние неловкой задумчивости.

Илья Зиновьевич понимал, что вопрос его хоть и не застанет сына врасплох, но неприятен ему по существу. Отношение их к браку было болезненно бескомпромиссным. Яков знал это хорошо, и его недавняя попытка объясниться с ними по поводу серьёзных чувств, которые он испытывал к Лене, оставила после себя ощущение отчуждённости и недовольства. Особенно переживал отец, приверженный глубоко укоренившейся в его роду традиции выбирать жену или мужа только из евреев.

Всю свою историю Советская власть различными прямыми или косвенными путями пыталась решить весьма важный для неё еврейский вопрос. Ассимиляция в результате смешанных браков была чрезвычайно желательна для неё, да и многие еврейские юноши, утратив духовную связь с народом и его историей, охотно женились на дочерях своих украинских или русских сограждан. Не испытывавший тяги к еврейству и следуя велению сердца, Яков невольно оказался в плену неожиданной для него ситуации.

– Нет, папа, пока ещё нет, – ответил сын.

– Я сам был молод и влюблён и хорошо тебя понимаю. Любовь царит над всем. Она выше наций, не знает границ. Я уверен, что именно она определяет сейчас твоё умонастроение. Какая там эмиграция, когда на скамейке одного из чудесных киевских парков ждёт красивая девушка… Когда-нибудь ты почувствуешь, Яша, что она перестаёт тебя понимать или что тебе безразлично станет всё, что будет напоминать о еврействе. – Илья говорил медленно, взвешивая каждое слово.

– Это почему же? – искренне спросил Яков.

– Да потому, что у нас своя история и судьба. И тот, кто женится на гое, какая бы она ни была замечательной и порядочной, должен отказаться от частицы себя, принадлежащей твоему племени, – стараясь быть убедительным, ответил отец.

Для него невыносимо было сознавать, что его кровная связь с предками прервётся на сыне. Насильственно лишённый еврейской веры и культуры молохом абсолютной власти, Илья Зиновьевич не мог смириться с поражением на самом ближнем к порогу его дома поле боя. Нет, скорее не разум, а питавший его дух инстинкт непрестанно напоминал ему, что надежда на возрождение жива, пока пульсирует в тебе горячая еврейская кровь, пока твои гены ещё не утратили общности с хромосомами праотцов. И надежда эта могла умереть вместе с инстинктом в молодом и совершенном теле его единственного сына.

Уезжать Яков пока не собирался и возникавшие всё чаще дома и на работе разговоры об отъезде старался избегать и своего мнения об этом не высказывать. И не потому, что его у него не было. Просто он был убеждён, что эмиграция – серьёзный шаг в судьбе каждого, и решаться на него человек должен самостоятельно перед судом собственной совести. Стадный инстинкт, считал он, лишь может нанести ущерб личной свободе и независимому суждению, так как наверняка используется кем-то для достижения политических целей. Начавшийся и приобретавший всё более обвальный характер отъезд в Израиль его ни в чём не убеждал. Не потому, что он был лоялен режиму и слепо верил в обещанное народу светлое будущее, которое обязательно придёт после перестройки. Хорошо образован и интеллигентен в исконном смысле этого понятия, Яков видел пороки власти, её коррумпированность и лживость была очевидна, и его аналитический ум и интуиция не позволяли ему предаваться беспочвенным надеждам и розовым мечтам о грядущем постсоветском обществе.

5

Яков ждал Лену на лестнице, каскадом поднимающейся к мощным, слегка изогнутым по замыслу архитектора опорам и балкам кинотеатра. Над городом величественно и щедро царила весна, небо сияло голубизной, подсвеченной лишь радужными лучами уже клонившегося к закату солнца. Воздух был насыщен сладковатым ароматом цветущих каштанов, приносимыми ветром запахами полевых цветов и той особой свежестью, при которой дышится радостно и легко. В скверике напротив суетилась и голосила детвора; улица была полна гудением моторов и сирен проезжавших мимо троллейбусов и автомобилей, шуршанием колёс и гомоном прохожих. Сеанс должен был начаться через минут пятнадцать, и толпа возле кинотеатра стремительно росла. Он увидел её только что соскочившую с подножки трамвая и энергично и призывно машущую ему худенькой белой рукой. Яков невольно залюбовался ею, грациозно и пластично поднимающейся навстречу ему по лестнице.

« Сколько в ней нежности и естественности », – подумал он, уже не в первый раз с любопытством и восхищением рассматривая её.

– Привет, Яшенька. Я тебя ещё из трамвая заметила. Ты со стороны смотришься просто бесподобно, как статуя одетого Аполлона, – сверкая белозубой улыбкой, проговорила Лена и, подойдя вплотную к нему, поцеловала в щёку.

– А ты похожа на «Венеру» Боттичелли, выходящую из моря, с одной лишь разницей, замеченной тобой, – она, в отличие от тебя, была совершенно обнажённой.

Лена прыснула счастливым смехом.

– Я не опоздала? – спросила она, угомонившись и глядя на Якова прекрасными голубыми глазами.

– У нас есть ещё несколько минут. Я слышал от друзей, что в фойе довольно интересная выставка одного молодого художника. Если хочешь, давай посмотрим.

Он обхватил её за талию и повлёк к входу в кинотеатр. Они миновали контролёра и вошли в огромный зал, хорошо освещённый льющимся через широкие прозрачные стёкла светом. Здесь было много народа. Привлечённые необычной экспозицией, люди небольшими группами перемещались от стенда к стенду, тихо переговариваясь между собой.

– Откуда начнём? – спросила Лена.

– С буфета, – пошутил Яков.

– Ты такой галантный кавалер. Я тебя не разорю? – подхватив предложенную им игривую интонацию, проговорила она.

– Разве ты не знаешь, что меня повысили? Теперь у меня много самой устойчивой в мире валюты.

– Знаю, но я же стою значительно больше, не правда ли? – парировала Лена.

– Тебе просто нет цены. Активистка, комсомолка, спортсменка, а главное – красавица, – произнёс он, подражая знаменитому актёру Владимиру Этушу. – Вот за это мы сейчас и выпьем.

Они засмеялись и подошли к обширной буфетной стойке.

– Ну, что будешь пить, красавица? – спросил Яков, изучая меню.

– Что хочешь, Яшенька, – наигранно смиренно сказала она.

– Ладно, «пить, так пить, – проквакала лягушка, утопая в сметане». Девушка, два коктейля «Столичный», пожалуйста, и два вон тех пирожных, – попросил он кареглазую симпатичную буфетчицу.

Потом они бродили между стендами, рассматривая картины и время от времени весело чокаясь высокими зеленоватыми бокалами.

– Неординарный художник, правда? Я о нём прежде не слышала. Как его фамилия?

– Мирон Спектор. Он начинал как авангардист, а сейчас его стиль можно отнести к сюрреализму. Смотри, сколько экспрессии! – Яков подошёл к одному из полотен.

– Необычный взгляд на мир, какой-то отстранённо возвышенный. Среди вашего народа много способных людей, Яша. – Лена взглянула на него серьёзно и испытующе.

– Не более чем у любого другого, Леночка.

– Да нет, я тебе не льщу. Я действительно так думаю. С тех пор, как узнала тебя, особенно.

– Почему же? – теперь они стояли лицом к лицу, и он искал и не находил в её глазах даже оттенка фальши.

– Потому что я люблю тебя, дурачок. Раньше ведь я была занята другими делами, чтобы об этом думать. – Она пристально посмотрела на него. – Вот так, мой милый. Пойдём, уже третий звонок прозвенел.

Огромный зрительный зал был почти полн. Они поднимались между рядами, привлекая внимание многих людей. Девушки и молодые женщины с откровенным любопытством рассматривали его.

– Смотри, Яшенька, как тобой любуются, – насмешливо проговорила она.

– Ты ошибаешься, Леночка. Это на тебя все уставились, – пошутил он.

– Красивая мы пара, правда? – лукаво проговорила она.

– А вот и наш ряд, – уклонился от ответа Яков, пропустив её вперёд.

Когда они нашли свои места, свет в зале уже погас, и на широченном полукруглом экране засветились первые кадры документального фильма.

Люди молча, обмениваясь лишь короткими, едва слышимыми фразами, покидали кинотеатр. Многие были подавлены, погружены в себя, стыдливо отводили взгляды, неся в душе невесть откуда возникшее ощущение вины и сопричастности к человеческой трагедии. Трамвая ждали недолго, и, подтолкнув Лену за локоть, Яков тяжело поднялся на подножку и, протиснувшись между пассажирами в проходе, нашёл её сидящей у открытого окна. Тёплый весенний вечер струился лёгким ветерком, шевеля её мягкие золотистые волосы, спадающие на нежно розовые мочки ушей.

Они вышли через несколько остановок и пошли по старой горбатой улице, подобных которой было много в этом районе города. Время пощадило дома и выложенные булыжником мостовые, безжалостно уничтожив некогда бившую здесь размеренным пульсом самобытную жизнь. Якову казалось, что он слышит слабые отголоски украинской и русской речи с вплетающимися в её привычную вязь неожиданными оборотами на идиш.

– Чтобы так сыграть дамского портного, с такой глубиной и психологизмом… – Лена с трудом выговаривала слова, она всё ещё не могла освободиться от гнетущего впечатления, которое оказал на неё кинофильм. – Яша, скажи, Смоктуновский – еврей?

– Нет, Леночка, он просто гениальный актёр. Самородок среди груды камней. Такие рождаются раз в столетие.

Они вновь замолчали, прислушиваясь к своим шагам.

– Такое чувство, что мы идём по тем же улицам, что и они тогда, – нарушила молчание Лена.

– Так и было. В этом районе до войны селилось много евреев. Бабушка по матери жила на Тургеневской. Её тоже вместе с моей прабабушкой и прадедом погнали в Бабий Яр.

– А почему твоя бабушка вообще здесь осталась? Разве не было ясно, что нужно бежать? – Лена с трудом подавила волнение, схватившее за горло железной рукой.

– Мама рассказывала, что бабушка потерялась в невообразимой толчее на вокзале. Дед с детьми, то есть с мамой, её братом и сестрой, уехали. Оставив всех в купе на чемоданах и сумках, он бросился искать бабушку. Вернулся бледный как смерть. Но нужно было увезти детей. Больше они не виделись, – рассказывал Яков. – Немцы тогда наступали стремительно. Вагонов не хватало, старались вывезти детей, молодых и всех пригодных к работе и службе в армии. А были и те, кто не верили, что немцы настроены враждебно по отношению к евреям. Они помнили оккупацию Украины в восемнадцатом году, видели лощёных, культурных немцев и не могли себе представить, что нация с приходом Гитлера к власти переродилась. Им рассказывали, что происходит в Германии и оккупированных странах, а они не верили.

Яков говорил, подбирая нужные слова, о родных и трагической судьбе народа, и Лена слышала в его голосе интонации горечи и досады.

– Да и твои соплеменники тоже хороши, – не унимался Яков. – Большинству эта бойня была безразлична и не вызвала даже мысли о каком-то протесте, желание защитить своих соседей. Некоторые радовались неожиданному для них повороту событий. Потом можно всё списать на жестокость войны. Пока же решить еврейский вопрос, завладеть чужим имуществом и квартирами, которые кололи им глаза и вызывали зависть. Более того, они помогали отправлять несчастных на погибель. Полицаи следили за порядком, за тем, чтобы никто не сбежал. Жители выдавали соседей, когда те пытались где-то спрятаться.

– Я понимаю тебя, Яша. Мне тоже обидно, что с вами так поступили. Ты винишь нас в геноциде. Но поверь, я знаю украинцев лучше. Они щедрые и неглупые люди, ценят и уважают евреев за ум и талант и хорошо к вам относятся. Ты преувеличиваешь, когда говоришь, что многие испытывали удовлетворение, наблюдая эту трагедию. Я уверена, большинство вам сочувствовало, но было бессильно что-либо сделать. Даже в этом фильме простые люди хотели помочь, предупреждали портного. А некоторые украинцы прятали евреев, особенно детей.

Ночь стремительно опускалась на город, и в свете уличных фонарей Яков увидел, как зарделось её лицо, а глаза заблестели от подступивших слёз. Он любил её и сейчас, растревоженный болезненным и неожиданно откровенным разговором, испытывал к ней невыразимую, отчаянную нежность. Он остановился напротив палисадника, тускло освещаемого одиноким фонарём.

– Что с тобой? – спросила она, подойдя к нему вплотную и положив руки ему на плечи.

– Извини меня, Лена. Я хотел было возразить, но сообразил, что ты к этому не имеешь никакого отношения. Я напрасно сотрясал воздух.

Яков прижал её к себе и поцеловал в полураскрытые влажные губы. Она ответила коротким страстным поцелуем.

– Не нужно извиняться, Яша. Меня там быть не могло, но с ними был мой народ. И мне стыдно за него. Ведь я же плоть от плоти его. Ты во многом прав.

Лена смотрела прямо в глаза, и он увидел в них неподдельное сочувствие.

– Леночка, ты замечательный человек. Если бы все были такие, как ты, евреи бы не уезжали.

– Я не хочу, чтобы ты уехал.

Яков почувствовал, как напряглись её руки на его плечах.

– А я и не думаю, – ответил он, но Лена каким-то особым женским чутьём ощутила его едва заметную неуверенность.

– Нет, ты обещай мне. Вот сейчас же здесь и поклянись. – В её голосе послышались нотки отчаяния.

– Любимая, ну я же сказал. И вообще, не место и не время здесь и сейчас говорить об этом, – и чтобы снять напряжение, пропел с иронией, – «не обещайте деве юной любови вечной на земле». Кстати, мы уже пришли.

Они стояли на углу Свердлова в нескольких минутах ходьбы от её дома. В ночной темноте и тишине, нарушаемой лишь редкими прохожими да шумом проезжавших автомобилей, уличные фонари горели как-то по-новому ярко и сочно. Свет от них, пробиваясь сквозь ветви лип и каштанов, причудливо ложился на стены старинных зданий и особняков. И чем более неверным и призрачным было освещение, тем прекрасней они казались ему в своей искусной

лепке, в неожиданных выступах пилонов и наличников окон, в обрамлении нависающих фризов и бордюров, в необычной форме парадных подъездов и выразительной кирпичной кладке фасадов.

– Поднимемся ко мне, Яшенька? Я угощу тебя львовскими конфетами, – спросила она, не в состоянии скрыть овладевшую ею страсть.

– Не откажусь, я люблю львовские шоколадные конфеты, да и карамель тоже, – согласился Яков. – Откуда дровишки?

– Отец был в командировке в Западной Украине. Сестра пока ещё не успела всё съесть. Тебе повезло, – сказала Лена и потянула его за руку.

– Уговорила, – засмеялся он. – Ты знаешь, чем меня завлечь.

Они прошли через хорошо освещённый фонарём в кружевной металлической оправе парадный подъезд в небольшой с высоким лепным потолком вестибюль и бодрым шагом поднялись на второй этаж по широкой серого гранита лестнице. Лена достала из сумочки связку ключей, и в резной дубовой двери раздался лёгкий щелчок.

– Заходи, – пригласила она, и Яков неспешно, но твёрдо ступил в полутёмную прихожую, освещённую тусклым светом с лестничной клетки.

– Мы одни? – спросил Яков.

– Родители в гостях у папиного друга детства, а сестра с кавалером пошла в оперный театр. Вернутся поздно.

Она нащупала на стене клавишу выключателя, и свет старинной бронзовой люстры вырвал из полумрака украшенное серебристо-розовыми обоями помещение. Огромная гостиная была со вкусом обставлена гарнитуром орехового дерева и удобной мягкой мебелью. Большой стол посредине с вазой китайского фарфора был окружён шестью стульями с высокими красиво изогнутыми спинками. Великолепный туркменский ковёр на паркетном полу, да и всё убранство квартиры говорили о высоком статусе и общественном положении её хозяев.

– Располагайся, Яшенька, а я приготовлю кофе, – сказала Лена.

– Подожди, дорогая. Куда ты торопишься? Дай хоть посмотреть на тебя. Мы уже неделю не встречались. Я дико скучаю по тебе. Без твоих роскошных волос, прекрасных глаз, рук и губ…

Он привлёк её к себе и по-мужски властно поцеловал.

– Я тоже, Яшенька, я не могу без тебя.

Она потянула его за собой в спальню. Присев на край широкой кровати, Лена положила руку ему на пояс, поощряя его, остановившегося в раздумье.

Они были близки уже около года. И всякий раз Лену удивляла какая-то его скованность и нерешительность, проявлявшиеся в тот короткий, но казавшийся ей долгим миг перед острым переживанием близости и любви.

– Милый, что с тобой? Ты же сказал, что хочешь меня.

Вожделение, охватившее её, передалось ему, к нему вернулась его всегдашняя уверенность и опытность. Быстрыми и точными движениями он снял с неё платье. Затем он позволил ей раздеть себя. Ещё с первого их соития Яков знал, что ей это нравится, что осязание его нагой широкой груди, сильных упругих бёдер, его возбуждённого члена приводит её в экстатическое состояние. Чувственность и страсть надолго соединили их молодые тела.

– Милый мой, у тебя столько энергии. Ты потрясающий любовник.

Она говорила, навалившись на него, расслабленно лежащего на спине, и время от времени целуя его рельефную грудь.

– Знаешь, о чём я мечтаю? – она смотрела на него своими большими, разгоревшимися ещё ярче от потрясения оргазма, голубыми глазами.

– О чём, Леночка? – спросил он, рассматривая высокий лепной потолок и гардины из бежевого тяжёлого бархата, спадающие с резного деревянного карниза.

Через полуоткрытое окно с улицы доносился весёлый птичий речитатив, отрывистый говор редких прохожих, а лёгкое шуршание молодой сочной листвы напомнило ему их первую любовь прошлой весной под низкой раскидистой вербой.

– Я хочу, чтобы ты остался. Никогда раньше я не испытывала такое наслаждение от секса. Ни с кем у меня не было такого оргазма. – Она покрыла поцелуями его грудь и живот, коснулась губами его члена. – Я совсем потеряла стыд. Только не подумай, что я блядь, просто я безумно тебя люблю.

Его равнодушие лишь распаляло её. Лена поднялась, села ему на бёдра, и его горячий, мгновенно отвердевший член легко и упруго пронзил её.

– Женись на мне, Яшенька, – промолвила она, учащённо дыша и не стесняясь своей раскованности, и откровенно и смело предаваясь охватившему её блаженству. – Ты ни с кем не испытаешь ничего подобного. Тебе достанется всё – и я, и квартира, и машина, и дача. Всё будет твоё.

– Только не пытайся меня купить, Лена.

Его руки, обхватившие её гибкую талию, напрягались в такт её движениям. Он с интересом, как будто впервые, рассматривал её великолепное пластичное тело, небольшие груди, мягкий живот, чистую нежную кожу, красивое чувственное лицо, на которое в беспорядке спадали тяжёлые золотистые пряди.

– Извини, но у меня и в мыслях этого не было, я не хотела сказать ничего дурного. Я просто потеряла голову.

Она задыхалась, охваченная безудержным продолжительным оргазмом.

Яков сидел, откинувшись на спинку кресла и листая свежий номер «Нового мира».

– Леночка, дашь потом почитать? Здесь начали публиковать последний роман Айтматова. Мне он нравится.

– Я тоже его люблю. Он философ и тонкий психолог. В нём есть глубина и эпическая широта одновременно. Мама, папа и сестра прочтут, и я тебе его дам.

Лена поставила на стол большой посеребрённый поднос с двумя чашками дымящегося кофе.

– Спасибо, Лена, сейчас в самый раз выпить кофе. Ты не женщина, ты ведьма, вампир, – сказал Яков.

Он взял чашку и конфету и с восхищением взглянул на неё. Озарённая каким-то льющимся из неё внутренним светом, она была ещё прекрасней, чем тогда, когда два часа назад они вошли в квартиру.

– Я всегда после секса чувствую себя обновлённой. Я как будто летаю. – Она присела на широкий подлокотник кресла и обняла его свободной левой рукой. – А почему ты не обрезан? Я слышала, что всем евреям делают обрезание.

– Да как-то времени нет заскочить в синагогу, – ухмыльнулся Яков.

– Ну не шути, скажи, правда, почему? – настаивала Лена, мурлыча, как большая рыжая кошка.

– Лена, мне не хотелось бы касаться этой темы, – проговорил Яков. – Но раз ты настаиваешь… В Советском Союзе евреи как нация подвергались физической и культурной ассимиляции. Под видом борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией, с космополитизмом, с врачами-отравителями и еврейским антифашистским комитетом уничтожался цвет еврейского народа. А закрытие школ, театров, синагог на фоне этого уже никого не волновало. Рады были, что вообще живы остались. Кто тогда мог вообще думать и говорить о религии, традициях. На весь Киев – одна синагога, а до революции их было десятки. Это сейчас открылась синагога Бродского, которую Советская власть превратила в кукольный театр, хорошо, что не в склад. Но туда почти никто не заходит, а приходят, не знают, что делать, как молиться.

Лена подошла к нему и обняла за плечи, пытаясь успокоить.

– Ты спросила, почему я не обрезан, – продолжал Яков. – Да потому, что обрезание делалось подпольно, с этим боролись, как с религиозным мракобесием. Можно было вылететь с работы или из института или оказаться на допросе в КГБ.

– Нашему народу тоже досталось, – сказала Лена. – Украинскую интеллигенцию душили беспощадно под видом борьбы с национализмом, вовсю шла русификация… Народ сам по себе ни в чём не виноват, он – жертва, глина, из которой небольшая группа людей, стоящих у власти, лепит всё, что пожелает. Просто молчание ягнят. А в лагеря, как и в Бабий Яр, гнали не только евреев.

– Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Евреев уничтожали лишь потому, что они евреи, – возразил Яков. – Слушай, давай-ка сменим пластинку. У нас было такое чудесное настроение.

Он натужно улыбнулся, и Лена, наклонившись к нему, поцеловала его в губы.

– Ты мой хороший и такой умный! Я люблю тебя.

Яков поднялся и обнял её.

– Леночка, ты – прелестное создание! С тобой и поговорить интересно, и в постели необычайно хорошо. Счастлив будет тот, кому ты достанешься.

– А ты поторопись, отец хочет познакомить меня с каким-то красавцем из его министерства. Я же не могу ему бесконечно лапшу на уши вешать, – выпалила Лена.

– Тут что-то новое. Он знает, что мы встречаемся, и при этом торопится, – заметил Яков.

– Он хочет, чтобы я была счастлива. И пока отец занимает солидное положение, он считает, что самое время выдать дочь замуж.

– За украинца или русского, верно? – усмехнулся Яков. – Зачем ему зять-еврей. Он может и карьере повредить.

– Не мели чепуху, Яша. Времена сейчас другие, к вам отношение очень изменилось к лучшему. Никакой дискриминации нет. Евреи на высоких постах в правительстве, – убеждённо проговорила Лена.

– Дорогая, мне кажется, ты страдаешь наивным прекраснодушием. Подумай сама! Люди, которые несколько лет назад были гонителями, душителями свободы, вдруг стали демократами и филантропами? – продолжал он. – Да в душе они такими же и остались. Просто им спустили сверху новые инструкции.

– Мой отец – порядочный человек. Он хорошо к тебе относится.

– Возможно, что и так. Среди русских и украинцев всегда было много благородных людей. Надеюсь, и сейчас тоже. Еврея Бейлиса, между прочим, служащего хлебозавода на Подоле, защищали лучшие юристы, а учёные, писатели, общественные деятели России выступили с воззванием против мракобесного суда, за честь и достоинство народа. Как еврейского, так и своего, которое было бы униженно несправедливым юдофобским приговором. И они тогда победили, – искренно проговорил Яков. – Но чёрная сотня здесь тоже всегда была, есть и будет, она бессмертна.

– Я не понимаю, к чему ты клонишь?

– Твой отец наверняка не глупый человек, раз в такие верхи попал. И он понимает, что в один прекрасный день я могу поставить вопрос об отъезде. При таком окружении это ему, скорее всего, повредит.

Лена обиженно вскинула глаза, её прекрасное лицо порозовело.

– Отъезд, зачем тебе он нужен? Это же сумасшествие какое-то.

– Сотни тысяч. Неужели все сумасшедшие? – усмехнулся Яков.

– Значит у тех, кто уезжает или уже уехал, были свои причины, – не уступала Лена.

– Ты можешь сейчас гарантировать, что у меня, у моих родителей или родственников не найдётся каких-либо причин?

– Я не знаю.

– Вот и я тоже не могу тебе ничего обещать. Я очень тебя люблю, Лена. Поэтому хочу быть честным перед тобой. Я не знаю, как может всё повернуться здесь, не могу просчитать свою, нет, нашу судьбу на всю жизнь. Я не бог и не пророк. Ты должна это принять в расчёт и решить – если так случится, поедешь со мной, бросишь ли все ваши богатства, родителей, родину, наконец?

Короткий звонок в дверь мгновенно вернул их к действительности. Напряжённое лицо Лены приобрело выражение девичьей озабоченности.

– Ой, Яшенька, это мои вернулись. Который час? Ого, половина двенадцатого. Ну и заболтались мы. Я даже постель свою не заправила.

Звонок настойчиво повторился.

– Поговори с отцом о чём-нибудь, хорошо? – попросила Лена. – Пойду открою.

6

Наступил конец лета, та замечательная пора, когда жара уже спала и на город, на всё сущее в нём опустилось благодатное мягкое тепло. Однажды Яков возвращался домой через парк Политехнического института. В городе было много больших парков, но этот недалеко от дома он любил особенно. Вековые тополя, вязы, клёны и каштаны росли здесь дружной гурьбой. Их тесное зелёное братство бережно хранило прохладу в знойный день и желанный для окрестной детворы снег даже тогда, когда по открытым весеннему солнцу улицам безудержным потоком катила талая обжигающая холодом ладони и ступни вода.

Яков знал в нём каждую тропинку, каждый заблудившийся в ветвях фонарь. Он мог пройти его даже в полной темноте, ни разу не ошибившись и не споткнувшись о выступ каменистой дорожки. Вот уже лет двенадцать, как семья перебралась в этот район. С тех пор он не раз ходил здесь с дедушкой и бабушкой, приезжавших навестить внука, пробегал со школьными друзьями, встречался и целовался с девушками в укромных закоулках парка.

Яков вышел на центральную аллею и вскоре издали увидел мужчину и женщину, которые, обнявшись, сидели на скамейке. Он подошёл поближе, и в это время друг школьных и студенческих лет Миша поднялся навстречу ему. Они пожали руки и похлопали друг друга по плечу. Юля загадочно улыбнулась ему в ответ на его приветствие. Яков с первого взгляда заметил в них какую-то перемену – на их лицах царила загадочная счастливая блажь. Заинтригованный и не желающий долго пребывать в томительном неведении, спросил:

– Что вы тут делаете? Интуиция подсказывает мне, что-то стряслось. Вы просто сияете.

– Пожалуй, уже можно сказать, – задумавшись на мгновение, проговорила Юля.

– Яша, ты первый, кому мы рассказываем. Даже родители ещё не знают. Только что из клиники. Получили подтверждение. У нас будет ребёнок, говорят – мальчик.

Впервые Яков увидел её на студенческом балу во дворце культуры, куда она пришла вместе с Мишей. Красавицей Юля не была, но его поразило тогда в ней то женское обаяние, которое порой действует на мужчину сильней, чем холодная красота. Она была интеллигентна и обладала хорошим вкусом, и Яков решил за ней приударить. Юля благосклонно отнеслась к его ухаживанию, явно симпатизируя красивому и загадочному парню. Но скрываемое до поры вскоре стало явным, и отношения между друзьями сразу охладились. Миша ни в чём не попрекал Якова, но тот не мог не почувствовать с трудом сдерживаемую ревность и однажды вызвал его на откровенный разговор. Нарушенный им несколько старомодный кодекс мужской чести, которому он старался следовать, подсказывал ему, что женщина не должна стоять между ними и что дружба важней личного счастья, построенного на её руинах. Объяснение было трудным, Миша не хотел ничего менять, но Яков настоял на своём и перестал встречаться с Юлей под предлогом подготовки к экзаменам. Женская интуиция её не обманула, она поняла причину разрыва приятных, чувственных отношений, которые стремительно катились к неминуемой и желанной для неё связи. Со временем она успокоилась, и встречи её с Мишей возобновились. Потом была шумная еврейская свадьба на Березняках. Молодые явно были влюблены друг в друга, и Яков искренне радовался счастью, которым они были обязаны ему. Миша работал инженером на заводе, а Юля не без труда устроилась врачом в кардиологическую клинику. Благополучная семья в начале своего долгого пути по неизведанным дорогам жизни.

Яков стоял, подбирая нужные слова и чуть кося на едва обозначившийся живот Юли.

– Вы молодцы. Давно пора поставить национальные кадры на поток. За хорошее начало не грех бы и выпить, – попытался пошутить Яков.

– Это ты сильно сказал «на поток», – подхватил остроумный Миша, – но нам с этим вдвоём без твоей помощи не справиться. Жениться ещё не надумал? Ты с Леной великолепно смотришься, а дети ваши будут просто ангелочками.

Мишка расплылся в блаженной улыбке. Яков посмотрел на Юлю, она поймала его взгляд, и её лицо едва заметно покрылось нежной краской стыда. В приглушённом пышными кронами деревьев свете дня он увидел, как она похорошела, какой мягкой и женственной стала её стройная фигура.

– Не в красоте самой счастье. Недавно прочитал мемуары Анн Филипп, жены Жерара Филиппа. Красавицей она не была, а он её боготворил. До сих пор никто не сумел внятно объяснить человечеству, что такое любовь.

– Ты философ, Яша, – съязвил Миша.

– О женитьбе я пока всерьёз не думал. Погулять ещё хочется. Семья – это другая действительность, куча обязанностей, дети.

– Значит, не созрел ты, дружище, – Миша усмехнулся и взглянул на жену. – Рады были увидеться. Нам пора. Нужно известить родителей о счастье, которое их ожидает.

– Уезжать не собираетесь? – крикнул им вдогонку Яков.

– А нам и здесь хорошо, – ответил Миша и махнул ему рукой.

Казавшееся незыблемым и вечным братство народов начало стремительно рушиться, экономические проблемы росли и множились, захватывая в свой плен и обычную, повседневную городскую жизнь. Начались перебои воды и электроэнергии, на многих улицах по ночам стало темно из-за вынужденной экономии и отсутствия светильников для замены их в бесчисленных перегоревших фонарях. Люди теперь боялись гулять по вечерам и старались добраться домой после работы засветло. Свет в парке не включался уже давно, и сейчас он был погружён в тёмный причудливый мрак. Яков шёл своим обычным бодрым шагом, не оглядываясь и не озираясь по сторонам. Мысли его были сосредоточены на программе, разработку которой завершал в последние дни. Отладка модулей, протекавшая до вчерашнего дня без задержек, натолкнулась на какую-то принципиальную, глубоко засевшую проблему. Его мозг настойчиво сканировал и анализировал главную часть программы, пытаясь обнаружить заложенную там ошибку. Так опытный охотник выслеживает зверя, упорно отыскивая заметные только ему следы на тропе, примятости травы, обломанные ветки кустарника и ловя обострённым слухом едва слышимые шорохи. Упругая поступь кроссовок задавала ритм и чёткость ходу его мысли, звучно отражаясь от призрачно серых стволов деревьев. Иногда Яков позволял себе отдохнуть, и тогда мозг его самопроизвольно переключался, и впечатления от последней встречи с Леной и их нелёгкого разговора завладевали его вниманием. Он принялся разбираться в своих внутренних проблемах подобно тому, как последовательно и настойчиво прослеживал жёсткую логику программ. Ему было важно понять себя, так как ясно представлял цену ошибки для них обоих.

Любовь его к Лене была незыблемым постулатом. Не вызывало сомнений и её нежное чувство к нему, несмотря на неотвратимо, подспудно зреющий конфликт. Поводом для него стали упорные ухаживания молодого человека с работы её отца, предлагавшего ей другой, беспроигрышный вариант устройства личной жизни, и Яков отдавал себе отчёт в том, что в один прекрасный день она сломается и согласится выйти замуж за нелюбимого, но удобного для неё и родителей мужчину. Лена ничего не скрывала, рассказывая о своих встречах с ним, но за стеной демонстративного равнодушия он не мог не почувствовать её бравирующей досады и безысходности отчаяния. Да и не таким уж слабым казался ему его конкурент. Бывший комсомольский работник, а сейчас весьма преуспевающий чиновник, он был хорошо образован и неглуп. С дипломом экономиста, закончившего Институт Народного хозяйства, и опытом партийной работы он мог сделать серьёзную карьеру, которая никогда не светила Якову в прошлом, да и сейчас, когда политика в отношении евреев изменилась и с ними откровенно заигрывали. Кроме того, его качества преуспевающего чиновника не мешали ему быть обаятельным и симпатичным. Неминуемо шло к тому, что

бастионы падут, стены рухнут – и крепость сдастся на милость победителя. Яков начал беспокоиться, видя в этом умысел, направленный на то, чтобы заставить его принять решение. А проблема-то глубоко засела в нём, а не в Лене, и аналогия с ошибкой в программе помогла ему понять не столь уж очевидную суть конфликта. В нём, как и в любом индивидууме, существуют два начала. Одно из них содержит то, что является общим для всех людей, – космополитическое, независимое от происхождения, расы и крови начало. Именно общечеловеческое в нём и привлекает её. Лена любит красивого, сильного, интеллигентного мужчину, самца, который великолепно удовлетворяет её духовные и сексуальные потребности. И это абсолютно нормально, в этом нет никакого цинизма, ведь то же самое он мог сказать и о ней. Только патологический ханжа будет отрицать очевидные психологические и биологические реалии, являющиеся условием надёжного и счастливого брака. Но чем дальше, тем явственнее он ощущает в себе то второе пробуждающееся, непокорное начало. Голос крови всё настойчивей требует ясного и недвусмысленного ответа – кто он, признаёт ли он свою еврейскую сущность. Если нет, то зачем мучать себя и любящую тебя женщину. Будь счастлив и богат и забудь о своём еврействе или просто отнесись к нему как к драгоценному, но выпавшему из жизненного потока раритету. Если же тебе небезразлично твоё происхождение, то веди себя, в конце концов, как уважающий себя еврей. Именно это начало Лена не принимает, равнодушно улыбаясь в ответ на его попытки завести разговор на тему, касающуюся культуры его народа. Каждый раз Яков отступал, чувствуя её отчуждённость, и всё становилось на свои места, когда беседа возвращалась в русло общечеловеческой культуры. Но ведь когда-нибудь он перестанет мириться с её безразличием и потребует признания и уважения его еврейского начала. Что будет с ними и их детьми? Чья сторона возьмёт верх, её? Тогда он должен будет отказаться от требования признания его национальной идентификации и угомониться. Дети, благополучие, красивая любящая жена тоже дорогого стоят. А если окажется сильней он, и она нехотя последует за ним в чуждый ей Израиль или в Америку?

В размышлении о своей непростой ситуации Яков прошёл уже большую часть пути. Глаза привыкли к темноте, различая в ней стволы и кроны деревьев, шарообразные контуры кустарника, просветы звёздного безлунного неба и неровный каменистый покров аллеи. Он двигался вперёд, не испытывая ни страха, ни беспокойства, один среди этого удивительного острова торжествующей природы, свободный от бесчисленных проблем огромного города, плещущего волнами света и звуков в его зелёные берега.

Ему оставалось пройти всего метров триста, когда он заметил впереди справа вспыхивавшие в беспорядке огоньки. Вскоре до слуха Якова донёсся грубоватый мужской голос. Он пока ещё не мог понять смысл слов, но уже слышал богато удобрявшую речь отборную матерщину. Огоньки оказались кончиками сигарет, которыми смачно, с явным удовольствием затягивалась кампания. Во время затяжки лицо курящего причудливо выступало из темноты, озаряясь на секунду слабым красноватым светом. Яков сначала хотел повернуть назад, чтобы избежать встречи, итог которой трудно было предсказать. Но потом, усилием воли подавив нараставший страх неизвестности, продолжил путь. Он поравнялся со скамейкой, где сидели четверо, когда услышал хриплый окрик:

– Куда бежишь, парень? Дай-ка закурить.

Яков приостановился, и в этот момент трое сидевших рядом с вожаком, так показалось ему в этот момент, быстро, но без суеты, поднялись со скамьи и обступили его с трёх сторон. Сердце бешено колотилось в груди, но он старался вести себя независимо и не обнаружить сковавшие дыхание страх и растерянность.

– Я не курю, – с трудом выдавил он из себя пришедшую на ум фразу.

– Ха, слышишь, Толян, он не курит. Интеллигент ё…ный, блядь, сука, вальяжно изрыгнул стоящий перед ним верзила.

– А ну ка, врежь ему, падлу, Федька, – услышал Яков прокуренный голос вожака, оставшегося сидеть и со стороны командовавшего расправой.

Короткой тенью взметнулся кулак, и он почувствовал сильную боль, пронзившую его нижнюю челюсть, и вслед за ней сладковатый привкус крови. Удар нанёс мужик, стоящий слева, что послужило сигналом для двух остальных. Били остервенело, выдавливая из себя отборную брань. Яков, закрыл лицо и голову руками, стараясь устоять на ногах и понимая, что сопротивление вызовет ещё большее озлобление. Удар в пах заставил его согнуться, и, взвыв от боли, он повалился на твёрдый наст дорожки.

– Баста, братва, а то ещё замочите кореша, – властно произнёс Толян, и трое его подручных мгновенно отступили. – Ну-ка поднимайся, сука, тебе здесь не Сочи. Или помочь? – В голосе его послышались нотки показного сочувствия.

– Сам поднимусь, – отхаркивая кровь, проговорил Яков.

Страх как рукой сняло, оставив лишь ощущение беспомощности и досады. Боли в паху, груди, боку и челюсти притупились, и он медленно поднялся, отряхивая с джинсов осязаемую ладонями пыль.

– Что вам от меня нужно? – спросил он.

К нему вернулась уверенность в себе. Он знал, что смелость обычно обескураживает хулиганов и, стараясь говорить как можно спокойней, добавил: – Денег с собой нет.

– Ишь, какой храбрый! Славута, обыщи-ка пижона.

Толян невозмутимо снизу вверх смотрел на Якова. Он почувствовал острие ножа, коснувшегося шеи возле гортани, и крепко сбитый детина среднего роста принялся деловито шарить по карманам. Рука его подцепила и ловко вытащила из накладного кармана рубашки потёртый кожаный бумажник.

– Вот возьми, – Славута протянул его вожаку.

Яков знал, что, кроме нескольких деловых документов, там лежит ещё и паспорт. Толян раскрыл бумажник и вытянул плотную тисненую книжечку.

– Федя, посвети мне, – приказал он, и через мгновение яркий луч света выхватил из ночи маленькую цветную фотографию.

– Интеллигент засранный, вы только посмотрите. Да это же жид, я их за версту узнаю. Вот написано, еврей. Дай-ка фонарь, Федя.

Толян взял протянутый ему фонарь, и по лицу Якова полоснул узкий пучок света.

– Однако изукрасили тебя, жидок. Долго помнить будешь. – На лице вожака появилось некое подобие улыбки. – Сматывался бы ты отсюда в свой вонючий Израиль, да попроворней. Меньше смердить будет.

Яков на последний пассаж Толяна не отреагировал, сознавая бессмысленность идеологических дискуссий с подонками. Он решил терпеливо ждать конца разборки. Было очевидно, что жизни его ничто не угрожает – вожак указал ему безошибочный адрес, куда следует бежать.

– Толян, так что же, ничего с него не возьмём? Напрасно потели? – услышал Яков самого молодого члена шайки, парня лет семнадцати.

– А кто тебе сказал, что нет, Паша? – затянувшись сигаретой, ответил вожак, – что хочешь, то и бери. Раздевай его, братва.

– Раздевайся, сука. – Славута угрожающе коснулся подбородка большим дурно пахнущим кулаком.

– Убери руки и отойди, я в твоей помощи не нуждаюсь, – спокойно произнёс Яков.

Он снял рубашку и джинсы и протянул их Славуте.

– Разувайся, падло. Такие клёвые кроссовки хотел замылить, сука!!! – завопил Паша.

Участь его новых фирменных кроссовок была решена.

– Пошли, братва, а то ещё настучит, – солидно заметил Федя.

– Не настучит. Я знаю, где он живёт, – осадил того Толян. – Сдаст ментам, мало ему не покажется.

Четверо торопливо удалились по аллее и скрылись во тьме.

Яков облегчённо вздохнул и медленно, чтобы не разбить ступни, двинулся к выходу из парка. Челюсть ныла и кровоточила, шишка на лбу заметно округлилась, превратившись в саднящую гематому. Было тепло, и в редком свете уличных фонарей его можно было принять за спортсмена, вышедшего на вечернюю пробежку. Лишь во дворе дома его узнала соседка и от испуга и неожиданности отшатнулась, а затем закричала вдогонку:

– Где тебя так разукрасили, парень?

Яков вошёл в подъезд и в полумраке лестничной клетки нажал кнопку лифта.

Дверь открыла мама. Увидев изуродованное лицо сына, запричитала:

– Что с тобой, Яша? А твоя где одежда?

– Успокойся, мама, со мной всё в порядке. Помяли меня слегка, потом раздели. Главное – живой, – улыбнулся Яков и направился в ванную. – Хорошо меня отделали, – сказал он, рассматривая себя в зеркале.

– Илья, ты спишь что ли? Иди сюда.

– Ого, где тебя так загримировали, сынок?

В дверях ванной показалась удивлённая физиономия Ильи Зиновьевича.

Полосатая пижама и газета в руках говорили о том, что он находился уже в постели. Яков знал давнюю привычку отца читать перед сном.

– В парке, папа, – ответил он.

– Идём в гостиную, поговорим. Да хватит вздыхать, Рива! Неужели не видишь, что с ним ничего страшного не произошло, – заворчал Илья Зиновьевич.

– Тебе бы такой синяк, папочка, – парировала Ребекка Соломоновна. – Сейчас лёд приложу.

– Говорил тебе, не ходи вечером через парк, иди в обход.

Он сел на диван, Яков расположился в кресле напротив. Когда он закончил рассказ, отец подался вперёд и внимательно посмотрел на сына.

– Ну, что будем делать? Когда наступает кризис и всё кругом разваливается, в ход пускают кулаки, и все дружно идут бить жидов.

– Так это же бандитизм. Им было всё равно, кто я. Они просто вышли на свой ночной промысел, – проговорил Яков, прижимая к брови марлю с завёрнутым в неё кусочком льда.

– Да, и бандитизм тоже неприятен. Но главное, что на фоне тяжёлого положения усиливается антисемитизм. Они же дали понять, что тебя узнали, и советуют больше не попадаться им под руку. Эта мразь мечтает о том, чтобы расквасить тебе физиономию. Слухи о погромах уже ходят в городе. Нас обвиняют в экономических проблемах, говорят, что мы совершили революцию и уничтожили миллионы людей в ГУЛАГе. Нас здесь не желают видеть.

– Ну, хватит, Илья. Что будешь делать сейчас? В милицию сообщать собираешься? – спросила Ребекка, озабоченно поглядывая то на мужа, то на сидящего в одной майке и трусах сына.

– Не думаю, что они будут вести следствие по такому несущественному для них делу. Знаете, сколько у них подобных дел? Сотни. И из них, может быть, несколько раскрутили. В милиции работают те же люди, и некоторые наверняка будут злорадствовать, что еврея Якова Левина избили и обокрали, – уверенно рассудил Илья Зиновьевич.

– Значит, сообщать в милицию и составлять протокол, по-твоему, пустая затея? – подытожила риторическим вопросом Ребекка Соломоновна.

– Лучше вряд ли будет, потому что никто сейчас не боится милиции. Ну, предположим, их найдут – исход больше гипотетический, чем реальный. Дадут каждому год или два за хулиганство и воровство. Так они же будут мстить, попытаются тебя найти, а выследят, мало не покажется. Они ведь предупредили.

Отец взглянул на сына и добавил:

– Не о волосах думать надо, Яша, а о голове. Нам с матерью здесь неплохо, и на наш век всего хватит. Но дела в стране неуклонно катятся под гору, и тебе и твоим детям предстоит кушать это дерьмо.

– Папа, я всегда тебе верил, хотя из-за упрямства соглашался не со всем. Умом я понимаю, что ты прав. Мне стыдно, что вы с мамой ради меня готовы пойти на большие жертвы, а я для своего блага не в состоянии принять решение, – сказал Яков.

– Не укоряй себя, сынок. Последний поезд ещё не ушёл. Да и таких, как ты, много, – смягчила Ребекка разговор, приобретавший всё более жёсткий характер.

– Папа прав, мамочка, – уверенно повторил Яков.

– Слишком многое тебя здесь держит, Яша: работа, друзья, культура, прекрасный город, любовь, наконец. Разве не так?

В голосе и словах мамы Яков почувствовал какой-то комплекс вины перед ним. Десятки лет строить и болеть за страну, отдавать ей силы и здоровье, жертвовать собой в годы войны, стараться сделать жизнь лучше для себя и детей. А сейчас осознать, что усилия их напрасны, что за это не только неблагодарны, а ненавидят, обвиняют в заговоре и измене, гонят из страны. И чтобы сказать правду, что жизнь потрачена впустую, и лучше уехать, так как в этой стране у детей нет будущего, несмотря на попытки властей что-то изменить к лучшему, – для этого требуется мужество и простая человеческая честность.

– Многие годы нас воспитывали в духе патриотизма и любви к Родине. В какой-то степени это было нужно. Но обманывать народ всё время невозможно, – Илья Зиновьевич словно поймал на лету мысли сына. – Рухнул железный занавес, страна открылась миру, и мир распахнулся для неё. Оказалось, что не только здесь хорошо живётся, но и там, и гораздо богаче. А самое главное, поняли, что у нас, у евреев, есть своя страна, которая выстояла в стольких войнах против многократно превосходящего по численности врага. И почувствовали себя частью одного народа. Вот, сынок, в чём суть. Если ты ощущаешь себя евреем, ты не можешь думать иначе.

– Хватит, Илья, дай Яше отдохнуть. Ему и без того досталось. Ложись спать, сынок, – сказала Ребекка и, вздохнув, вышла из комнаты.

– С синяком ты мне ещё больше нравишься. Правильно сделал, что не ввязался в драку, – они бы тебя убили.

Прекрасные волосы Лены в живописном беспорядке разметались на груди Якова. Они отдыхали после острого и яркого пароксизма страсти, охватившей их на исходе двухнедельной разлуки.

Родители Якова ушли ещё засветло. Уезжали их старые друзья. С главой семьи Илья Зиновьевич учился в школе в скудное послевоенное время, и дружба эта с годами только окрепла и естественно и непринуждённо переросла в тёплые отношения между семьями.

Встретились они днём на выходе из станции метро «Крещатик» и неспешно двинулись по городу, приветствовавшем их оживлённым птичьим гамом, торжественным парадом фасадов зданий и шумом троллейбусов и автомобилей на широкой центральной улице. Солнце по-летнему припекало, и они решили подняться на Владимирскую горку. Людей здесь было мало, лишь несколько пожилых пар да одна пара влюблённых, соединившаяся в поцелуе на уединённой скамейке. Огромные вековые клёны и вязы в изобилии росли на её пологих склонах, покрытых кустарником и невысокой сочной травой. На вершине горы строй деревьев отступал во все стороны, будто уступая кому-то первенство и место, и на большой чуть покатой площадке возвышался величественный памятник князю Владимиру. Размерами своими он не уступал деревьям, безмолвными и покорными стражниками стоящим вокруг него.

Отсюда открывался прекрасный вид на Днепр, совершающий там далеко внизу плавный широкий поворот на низменное живописное Левобережье, раскинувшее свои леса, острова и протоки до далёкого горизонта. Под горой на Подоле жизнь била ключом. По улицам разноцветными жучками беззвучно пробегали машины, сновали люди, едва различимые с господствующей над городом высоты. Внизу в тесноте и пестроте домов выделялись окрашенные белой краской стены церквей и монастырей, венчавшихся зелёной кровлей и придававших значимость и особый колорит этому древнему району Киева. Над ним сияла позолотой и бирюзой Андреевская церковь, а по правую руку в отдалении нависали помпезные и богатые Липки.

Они поднимались сюда нередко. Им нравилось это место, где им никто не мешал любоваться друг другом, открыто и бессчётно целоваться, а порой заниматься любовью в укромной ложбинке на обращённом к реке склоне. Они наслаждались простирающимся внизу великолепием, без умолку говорили и беззаботно смеялись над своими бесхитростными шутками.

Но сегодня их не оставляло ощущение необоримой печали и меланхолии. Они приблизились к чугунной ограде на краю высоты, и необъятный простор ударил им в лицо тёплым, пахнущим хвоей ветром.

– Красиво, правда? – вздохнув, проговорила Лена.

– Здорово! Здесь забываешь, что где-то внизу осталась наша жизнь с её проблемами и заботами, – сказал Яков.

– И ты готов всё это оставить ради какой-то призрачной мечты? – спросила она, взглянув на Якова невыносимо грустными глазами.

– Леночка, дорогая, не тереби мне душу. Нам ведь так хорошо. – Он обнял её за талию и прижал к себе. – Я люблю тебя.

– А я просто схожу с ума. Пожалуйста, не мучай меня больше.

Она поцеловала его в щёку и отвернулась с выражением едва заметной обиды на лице.

– Знаешь, Лена, я недавно видел фильм об Израиле, пропагандистский – оно, как говорится, и ежу понятно. Но страна какая-то жизнерадостная, у меня сложилось такое впечатление. А Иерусалим чем-то напоминает Киев. Он тоже на горах, на настоящих, Иудейских, поросших лесом, как здешние горы. Там, наверху церкви и храмы, а здесь Лавра, София, Андреевская, Кирилловская церковь. Духовное как бы преобладает, господствует над повседневностью, материальной действительностью, сосредоточенной со всех сторон внизу, в городских кварталах. И создаётся ощущение библейской древности, неподдающейся воображению старины, где и Ноев ковчег, и древний Египет с его Долиной царей и пирамидами, и храм Соломона. Так давно это было, что ты теряешь представление о времени.

Взгляд Якова, прикованный к невидимой точке где-то бесконечно далеко, приобрёл отрешённость.

– Киев ведь тоже очень древний город, правда? Ему тысяча пятьсот лет, – сказала Лена, стараясь вывести его из глубокой задумчивости.

– Леночка, ты права. Киев – великий город, здесь началась Русь. Но всё же мы говорим о двух несравнимых вещах. Иерусалиму больше трёх тысяч лет. Представляешь, греки ещё с деревьев не спустились, а город уже процветал, – ответил Яков.

– Вот тут под горой на берегу Днепра князь Владимир тысячу лет назад крестил язычников, жителей города и крестьян из окрестных деревень. Они, конечно, сопротивлялись, ведь должна была произойти революция в сознании.

– Дорогая, ты только представь. До этого исторического события Иудейское царство уже тысячу лет, как успели разгромить и разграбить, храм Ирода разрушить легионы Тита Флавия, а евреев рассеять по всему свету. Теперь прибавь ещё две тысячи. Еврейскому народу около четырёх тысяч лет. Все народы мира, причём, более молодые, давно уже вымерли, поглотились другими народами, просто исчезли невесть куда с лица Земли, а этот выжил и сохранился. Как его ни уничтожали, ни сжигали на кострах, а он возрождался, как Феникс.

Яков говорил вдохновенно, и Лена впервые видела его таким.

– Ещё мгновенье – и ты воспаришь, милый, – усмехнулась она.

Они рассмеялись, и смех моментально снял возникшую было между ними отчуждённость.

День за окном угасал, неумолимо скатываясь к вечеру. Солнце покрыло небо серебристо-розовым светом, торжественно оповещая мир о своём закате. Его прямые лучи проникали сквозь полупрозрачные шторы, причудливо преломлялись на стенах, играли на хрустальных плафонах люстры, ложились оранжевыми пятнами на простыни и подушки и на их молодые тела. Яков сдёрнул с неё и с себя и бросил к ногам простыню, чтобы дать ей и себе возможность смотреть и наслаждаться обнажёнными телами. Его представления

о человеке ещё несли в себе некоторую печать романтизма. Он считал красивое гармоничное тело проявлением прекрасной души, великолепным сосудом, в который она заключена и где происходит её загадочная чувственная жизнь. Недостаток внешней красоты означал для него ущербность и духовную незавершённость. Поэтому главная задача души заключалась в том, чтобы совершенствовать и облагораживать человека с целью достижения наибольшей внутренней и внешней гармонии. Он с нескрываемым удовольствием смотрел на неё и касался её рук и грудей, стройных упругих бёдер. Её редкой красоты тело играло и светилось, откликаясь на его прикосновения лёгкой волной возбуждения.

– Ты удивительно хороша, Лена. Ты, наверное, даже не представляешь, насколько ты прелестна!

Яков поцеловал её припухшие мягкие губы и откинулся на подушку.

– И все мои сокровища могут достаться в чужие мерзкие лапы. Неужели ты этого допустишь?

Лена прильнула к его широкой груди и посмотрела на него.

– А что, этот тип за тобой ухаживает? – спросил Яков с некоторым опасением.

– И делает всё мастерски, лучше, чем ты, – с вызовом сказала Лена.

– Удивительно, как я мог тебе понравиться? Как ты вообще посмотрела в мою сторону? – усмехнулся он.

– Я сама удивляюсь. Пришёл, увидел, победил, как Юлий Цезарь, – произнесла она с заметной иронией.

– Неужели это был я, а не грубый отвратительный мужик, неандерталец с булыжником в руке?

Яков уверенно с любопытством втягивался в игру.

– Яшенька, миленький! Именно он с его обворожительной улыбкой и светскими манерами неандерталец по сравнению с тобой.

– Какая искусная тонкая лесть. Ты ещё и умна, не только красива. Перефразируя Пушкина, я бы сказал: «Ум и красота – две вещи несовместные».

Яков взглянул на белый, местами потрескавшийся потолок спальни.

– Как видишь, есть исключения из этого правила. Разве ты не рад, что как раз такая женщина и досталась тебе?

Лена обняла его за шею, навалившись на него всем телом. Горячая волна желания поглотила его, и он, перевернув её на спину, тотчас овладел ею.

– Любимая, да я не рад, я счастлив, как последний идиот. С тобой я ощущаю удивительную сексуальную гармонию.

Он был полон сил и жгучей всепоглощающей страсти.

– Твои родители скоро придут. Не хочется уходить, но придётся.

Наконец их охватил бурный оргазм. Он то отступал, то нарастал с новой силой, пока её руки не ослабели и он не откинулся на бок, продолжая ласкать её живот и вздымающуюся от глубокого дыхания грудь.

– Он сделал мне предложение, Яша. – Лена, утомлённая и прекрасная, посмотрела на него. – Он делает это при каждой встрече. Он просто обезумел, – проговорила она.

– И что ты ему ответила? – спросил Яков, всё больше и неотвратимей погружаясь в сон.

– А как ты думаешь? Разве при наших отношениях ответ не очевиден? – с некоторым отчаянием произнесла она.

– Нет, не очевиден. Когда мужчина настойчив, женщина может не устоять. Ты же сама сказала, что он не раз делал предложение и сдаваться не собирается.

Якову удалось побороть сонливость, и теперь их глаза встретились.

– Яшенька! Мы с ним уже были близки. Он оказался слишком напористым, и я уступила.

– Этого не может быть, не верю.

Яков поднялся и сел, свесив ноги с широкой постели.

– Может, Яшенька. После нашего разговора я совсем отчаялась. Это от безысходности, милый, прости меня. Вот я вся здесь перед тобой и ничего не хочу скрывать от тебя.

В глазах её стояли слёзы.

– И каков он в постели? – В его голосе послышалась ревность.

– Я ничего не чувствовала, закрылась совершенно и думала о тебе. Это было просто механическое действие, я не испытала ни возбуждения, ни оргазма, а когда он кончил, тут же отстранилась от него, мне было противно.

Лена поднялась и обняла Якова, прижавшись к его спине.

– Знаешь, как в народе говорят? «Стерпится – слюбится». Привычка трансформируется в любовь, а любовь станет привычкой. Закон повышения энтропии в семейных отношениях, – цинично произнёс он.

Яков будто уже принял какое-то решение и теперь испытывал её.

– О чём ты, Яшенька? Лучше утопиться, чем выйти замуж без любви.

Лена заплакала, давая волю слезам, градом катящимся по её щекам.

– Со мной поедешь, Лена? А, Лена?

Он повернул к ней лицо, и ему стало нестерпимо жаль её и себя.

– Этот проклятый Израиль. Кто его только выдумал, зачем он тебе, что ты там потерял? Да он не стоит и мгновенья нашей любви.

Она рыдала во весь голос, и её прекрасное тело вздрагивало в последних лучах заходящего солнца.

9

Они вышли из дома и направились к остановке по другую сторону проспекта. Он поцеловал Лену и подсадил её на подножку троллейбуса, идущего в центр города. Она не могла не почувствовать перемену в настроении Якова – женская интуиция редко подводила её, и сейчас тоскливо взирала на проносящиеся за окном деревянные скамьи, чугунную ограду и вековые тополя на бульваре Шевченко. Тополиный пух витал в воздухе и ложился на дорогу и тротуары, напоминая миру о приходе благодатной поры бабьего лета.

Проводив Лену, Яков медленно побрёл домой. Ему было нестерпимо жалко её, когда она плакала, несчастная и загнанная в угол своей безысходной судьбой. Его отношения с Леной достигли грани, требовавшей от него какого-то поступка и решения. Он начал испытывать душевный надлом и досаду, сознавая, что дальше так продолжаться не может. Ещё несколько месяцев назад он бы решился жениться, махнув рукой на все доводы рассудка и обременительные разговоры с родителями. Он искренно любил и был любим, у него не было никаких сомнений. Но в последнее время Яков изменился, сейчас он всё больше освобождался от иллюзий, и его взгляд на жизнь стал реалистичней и трезвей.

Итак, её семья не желает, чтобы дочь связала судьбу с евреем. Тем более теперь, когда открылись границы, и эмиграция стала возможной и желанной для молодых образованных людей. Родители Лены категорически против её отъезда в Израиль. Они бы не возражали отпустить её в Америку, Европу или Австралию, но не в страну, находящуюся в состоянии войны с необъятным арабским миром. Не смея перечить воле отца, Лена не отвергла ухаживания молодого человека, которого он находит подходящим для неё спутником жизни. Яков знал, что она всегда предохранялась, принимая таблетки, и была честна и бесхитростна. Ведь

стоило ей забеременеть, он никогда бы не отказался от ребёнка. Для того чтобы её семья приняла Якова, он должен был отказаться от своей еврейской идентификации и выбросить из головы любые мысли об эмиграции. Раньше он бы пошёл на это, и родители смирились бы с выбором сына. Но в последнее время его самосознание претерпело значительную перемену и воспротивилось бы такому компромиссу. Следовательно, женитьба на Лене ведёт его в тупик, и выход, увы, лишь один – порвать с ней. Разрыв будет очень болезненный для него и трагедией для неё. Ему не хотелось делать ей больно, но у него нет выбора. И он это сделает.

На другой день Яков позвонил ей и с наигранной холодностью объяснил, что разлука неизбежна. Лена плакала и умоляла его не уходить, но он настоял на своём. Со временем чувства притупились, её звонки становились всё реже и, наконец, совсем прекратились. Она отступилась, понимая безвыходность положения. Только однажды незадолго до его отъезда Лена позвонила и сообщила, что выходит замуж. У Якова защемило сердце, хотелось крикнуть, что любит её и никому не отдаст. Он насилу сдержался и с деланым равнодушием пожелал ей счастья.

Глава 2

1

Через три месяца пришёл вызов из Израиля от Розы, сестры Ребекки Соломоновны, и подготовка к отъезду покатилась по накатанной тысячами эмигрантов колее. Труднее всего далось Якову увольнение с работы. Его никто ни в чём не укорял и не обвинял. Наоборот, сотрудники отнеслись к его сообщению даже с сочувствием и поддержкой, а некоторые с почти нескрываемой завистью. Его незаурядные способности были секретом Полишинеля, и начальник отдела Волков с радушной улыбкой признался, что ожидал от него такого заявления, уверенный в том, что тот преуспеет везде, куда занесет его судьба, и ничуть не удивлён его решением. Он только сожалел, что уезжают отличные специалисты, работать стало некому, и попросил не увольняться сразу, а работать до последнего дня и помочь завершить

разработку системы, порученную ему как руководителю группы. Яков согласился и зачастую просиживал с коллегами допоздна. Уволился он лишь тогда, когда программа после напряжённой и весьма драматичной отладки пошла в опытную эксплуатацию, а институт не поскупился на приличную денежную премию. Главный инженер, седовласый и сутулый еврей, поблагодарил за работу и на прощанье пожал руку, отводя полный тоски взгляд.

Илью Зиновьевича также не отпускали до последнего дня, и на работе ему организовали обильную и грустную отвальную. Ребекку Соломоновну уволили через несколько дней после подачи заявления и передачи всех дел, что было понятно и логично, всё-таки школа – учреждение образовательно-воспитательное, и руководство ещё не забыло, что она находится на переднем крае идеологической борьбы.

Потом были шумные проводы. Дверь квартиры не закрывалась целый день, приходили и уходили знакомые, шапочно знакомые и совсем незнакомые сотрудники, приятели и немногочисленные родственники. Отдел Якова явился почти в полном составе, а друзья его Лёня, Ефим и Гарик засиделись до позднего вечера, дав волю речам и пристрастию к крепким напиткам, благо, что нехитрой закуски было в изобилии.

Когда остались одни, валившаяся с ног от усталости Ребекка присела на стул возле живописного, заставленного ещё неубранной посудой стола, и сказала с грустью:

– Вот и расстались мы с прошлым. Жаль, так много хороших, порядочных людей.

– Оставь, Рива, иллюзии. Конечно, с ними не хотелось бы разлучаться. Но у них своя жизнь и свои заботы. А с прошлым мы никогда не расстанемся. Оно у нас в памяти и крови. У Яши его меньше, поэтому ему будет легче нести его в себе, а детям и внукам его и подавно, – ответил Илья Зиновьевич и, легонько похлопав сына по плечу, направился на кухню.

Старую и весьма изношенную мебель решили по совету Розы Соломоновны не брать, продав её с молотка вместе с прочитанными книгами и множеством романов и повестей, извлечённых из литературных журналов и переплетённых в аккуратные разноцветные тома. После тщательного отбора от домашней библиотеки осталась небольшая часть. В картонные ящики перекочевали

собрания сочинений Фейхтвангера, Бальзака, Драйзера, Стендаля, Мопассана, Хемингуэя и Куприна, сборники Пушкина, Эдгара По, Стефана Цвейга и Паустовского, романы Пильняка, Ивлина Во и других классиков, с которыми расставаться не хотели. Было немало книг по специальности и словарей, которые решили везти с собой. Одежда и обувь и самое необходимое на первое время с трудом поместились в больших кожаных чемоданах, по великому блату купленных Ильёй Зиновьевичем. А всё остальное в назначенный день погрузили на пикап, предоставленный проектным институтом, где работал Илья, и отвезли на таможню. Там содержимое ящиков подверглось невообразимой, безжалостной перетряске. Поиски бриллиантов, антиквариата и других ценностей успехом не увенчались, а потому вещи и книги к нескрываемой досаде служащих в полном беспорядке были свалены обратно в ящики. Потом их небрежно бросили и забили гвоздями в дощатом, внушительных размеров контейнере. По совету друзей, уже прошедших испытание таможней, Ребекку Соломоновну с собой не взяли – любящая во всём порядок, она бы не смирилась с варварским отношением к их нажитому честным трудом скарбу и подняла бы скандал. Тогда бы таможенники, воспользовавшись бесправным положением эмигрантов, могли устроить над багажом суд Линча, одну его часть просто не приняв, а другую безнаказанно превратив в груду хлама.

2

Через несколько дней после проводов Яков улетел в Москву. Поезд, на который удалось взять билеты, уходил с Киевского вокзала столицы, и все четыре места в купе были оплачены со станции отправления. Родственники по отцу, люди весьма известные в кинематографических кругах, приняли его на ночлег и расспросами особенно не донимали, так как уезжать никуда не собирались. За большим овальным столом сидели втроём, уплетая яичницу с ветчиной – любимое блюдо дяди Наума, которое он умудрялся готовить даже в нередких поездках по стране.

Утром Яков поехал навестить и других родственников, издавна проживавших на Красной Пресне. По случаю эмиграции двоюродного племянника Леонид Сергеевич достал из бара бутылку шампанского «Абрау-Дюрсо» и, с удовольствием смакуя вино, пробасил:

– Молодцы вы, Яшка, что рванули за бугор. Моих бы хоть растормошил.

– Да не слушай ты его, Яша. Брось, Лёня, молоть чепуху. Как они могут ехать, сам подумай? Старшая развелась со своим доктором физматеринских наук. Пришла ей в голову майса. Ей, видите ли, надоели мозги, она, мол, сама не лыком шита, тоже ведь кандидат, да и на работе у неё умников этих, как в нашем доме тараканов. В общем, встретила она где-то здоровенного мужика, шофера членов ЦК в прошлом, русского, конечно. Костя, между прочим, как перестройка началась, с дружками своими бизнесом занялся и преуспел. Ты в Израиле никогда столько иметь не будешь.

Тётя в свои шестьдесят была ещё весьма привлекательной особой. О её красоте в молодости ходили легенды. Работала она тогда в аэродинамическом институте имени Жуковского, и, когда Леонид, красавец, известный лётчик-испытатель, увидел её однажды, любовь с первого взгляда обрушилась на них ураганом, сметая все препятствия на своём пути. Нина Матвеевна была уже замужем. Ребёнка забрал муж, и она без колебаний перебралась в полупустую холостяцкую квартирку Леонида. Родилась дочь, а через года четыре – Витя, с которым Яков подружился, не раз бывая у него во время коротких набегов на Москву.

– Жаль, что Женю оставила. Мозги ей, знаете ли, надоели. Теперь вот Шурочка узнала, что у Кости любовница завелась, так она теперь рвёт на себе волосы. Что с этим-то делать? А мозги, они и в Африке мозги, – резонно заметил дядя.

– Не забывай, что дочь твоя – женщина, и ей не только один интеллект подавай, земных радостей ведь тоже хочется… И чего он, наш гений, сумел добиться мозгами? Ты посмотри, что в Академии происходит. Разруха, разброд и шатание. Учёные на грошах сидят, самые хваткие и смелые уехали, – прекрасные глаза Нины Матвеевны озорно блеснули.

– А что это он сидит тут, патриот нашёлся? Поехал бы тоже. Университеты во всём мире охотно берут наших математиков.

Потом прошлись по Виктору и его молодой жене, работавшей журналисткой в «Литературной газете».

Попрощавшись с тётей и дядей, Яков спустился в метро «Краснопресненская». Дефиле по магазинам не входило в его планы, а до вечерних спектаклей была ещё уйма времени. В раздумье о том, чем заполнить полдня, он вышел на станции «Улица 1905 года» в намерении прогуляться и подышать воздухом. Его внимание привлек указатель «Ваганьковское кладбище». Он вспомнил, что на этом кладбище похоронили Владимира Высоцкого и что Марина Влади не соглашалась с надгробием, которое установила его семья, и, не колеблясь, направился туда. Через минут пятнадцать он уже был у главного входа. Могила барда оказалась прямо у главных ворот кладбища, и, ещё не видя её, он услышал свою любимую песню «Кони привередливые» – юноша лет восемнадцати с надрывом исполнял её под гитару. Яков вспомнил, как однажды в Киеве он был на концерте Высоцкого в актовом зале института, куда его провёл работавший там приятель.

Потом он направился по главной аллее, с удивлением смотря по сторонам: он не ожидал увидеть здесь пантеон знаменитых деятелей культуры и спорта. У памятника Андрею Миронову Яков застал его мать Марию Владимировну в черных одеждах. Рядом с ней был мальчик. «Его внук, наверное», – подумал он.

– Скажите, пожалуйста, где могила Есенина? – спросил Яков шедшую мимо молодую женщину.

– Здесь недалеко, метров сто пройти по аллее. Будет справа, – ответила она, ничуть не удивившись вопросу симпатичного брюнета.

Яков почувствовал лёгкое волнение, узнав издали надгробие из белого мрамора, которое видел прежде на снимке в каком-то журнале. Немногочисленная группа людей стояла возле ограды, внимая юноше, читавшему стихи поэта.

«Иные живущие уже мертвы духом, а эти продолжают жить. Грань между жизнью и смертью какая-то расплывчатая. Возможно, она проходит не через физическую смерть», – размышлял Яков, внимая полным тоски и страсти словам.

Вечером Яков решил пойти в театр на Таганке, которому всегда отдавал предпочтение перед другими столичными театрами. Билет удалось приобрести с рук, и он вошёл в зал, предвкушая захватывающее действо. Но спектакль показался ему лишённым новизны и творческой фантазии, которыми отличались постановки Юрия Любимова, пребывавшего уже несколько лет в эмиграции и

проживавшего с некоторых пор в Иерусалиме. Половина следующего дня прошла в прогулках по Москве, которую неплохо знал, так как не раз бывал здесь прежде в командировках или просто приезжал погулять и пройтись по театрам и музеям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/azarel-_petr/voshozhdenie

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити